

Максим КИПРЕЕВ

Груды белых облаков
Между мною и тобой,
Волн холодных череда
Ниоткуда в никуда
Убегает за кормой,
Цифрой в сорок сороков,
Как Отчизны сладкий дым,
Тают мили вдалеке.
Вот и время на руке
Различается с твоим,
С форой ровно двух часов.
Там у вас уже весна:
Солнце, юбки и сирень, -
Все теплее каждый день
И светлее по ночам.
А у нас разгул ветров,
И волнуется Бискай
Цветом, как твои глаза,
Поднимая в небеса
Страшную волну Си-Хай
Атлантических штормов.
Здесь о тщетности страстей
Думу думает вода,
Незнакомая звезда
Пляшет ночью средь снастей.
Жалобно скрипит гитов.
Десять тысяч лет в пути

Этот город ждет меня, я знаю,
И под серым небом сентября
Для меня листья
чуть-чуть оставит,
Улыбнется солнцем - для меня.

Разыграет предо мною осень,
Новости расскажет не спеша.
Я вернулся, я его не бросил,
Я ждал встречи, месяцы кроша.

И среди чужих мостов и башен,
Старых улиц,
медленных бульваров,
Вспоминался твой
осенний кашель,
Фонари в каштанах и фонтаны.

Пусть говорят:
«Всему виной разлука,
И дважды не войти
в одно течение», -
Но мне нужна твоя тоска и скука,
Названная мною -
«вдохновенье».

Август 2000 г.
Атлантика

Графика Евгения МАЛЬЦЕВА

Мне дано, чтобы забыть,
Чтоб погаснуть и остыть,
Дно достать и загрузить
В этом лучшем из миров.

«Стук в дверь - на пороге сто-
ит треска...»
Иосиф Бродский

Апрель 2000 г.
Бискайский залив

Одеялом густой тишины
Накрывает меня мыс трески,
И, зажаты в немые тиски,
Все слова я оставил иным,
Потонувшим во сне берегам.
И ослабшие струны мягки,
И насквозь проржавели колки,
Но все песни, забытые там,
Вспоминаются здесь.
Как с другим уже было однажды,
Я жожу, как треска, и жажду
Русских слов,
чтоб не кончилась песнь.

Ведущие рубрики:
Галина
Каштанова-Ерофеева,
Игорь Ерофеев

Уважаемые читатели! Мы безмерно рады, что открытая в нашей газете литера-
турно-художественная рубрика "Палитра муз" не прошла незамеченной: авторы сти-
хов, рассказов, рисунков живо откликнулись на возможность обнародования своего
творчества. Поступили и первые предложения по оформлению рубрики. Мы обяза-
тельно учтем все Ваши пожелания и будем знакомить Вас с наиболее интересными
работами наших читателей.

Во втором выпуске мы представляем Вам новые имена литераторов Черняховс-
ка, и, в первую очередь Виталия Жилинского, автора своеобразных сказок-притч,
несколько наивных, но очень чистых и... печальных. Сказки были написаны давно, но
время их «не состарило». В этом номере Виталий Жилинский дебютирует со сказкой
"Серебристая лунная собака".

Имя черняховской поэтессы Рады Кордик, возможно мало знакомо широкому кругу
читателей, так как ее работы мы публикуем на страницах "Поллюса" впервые. Одна-
ко ее стихи уже печатались в художественно-публицистическом журнале "Мой город
Черняховск" и в сборнике "Городские цветы".

И еще один молодой автор - Максим Кипреев, который пишет свои стихи в пере-
рывах между вахтами в суровых штормовых широтах Атлантики. Его просоленная
лирика полна романтики и ностальгии по родному дому.

Морской пейзаж (графика) выполнен выпускником Черняховского педколледжа -
Евгением Мальцевым.

Серебристая лунная собака

Виталий ЖИЛИНСКИЙ

Щенку - безмянному и без-
домному - мальчишка из рогатки
выбил глаз. Повизгивая от боли,
он едва доплелся до своего убе-
жища на высоком обрыве речки,
забрался в ящик от помидоров и
принялся скулить.

Сидевшей на дереве лохма-
той вороне надоело слушать его
жалобный скулеж.

- Лучше бы на луну повыл, как
приличная собака, - проворчала
ворона. - Глядишь, кто-нибудь от-
зовется.

- Правда? - удивился щенок. -
Разве на луне кто-нибудь есть?

- Повой - узнаешь, - каркнула
ворона и полетела к своим под-
ружкам, которые на соседней по-
ляне обклеивали куст боярыш-
ника.

Щенок почти сразу забыл, о
чем говорила ему ворона - силь-
но болел глаз, и хотелось есть. Но
ночью, когда над обрывом всплы-
ла яркая луна, он вспомнил воро-
ньи слова, вылез из ящика, взгля-
нул здоровым глазом на желтый
диск луны, потом несмело повыл:
- А-у!

- Ау-у... - отозвался кто-то так
же несмело из холодного неба.
Щенок не поверил. Неужели
это правда? Он поднял к небу
свою маленькую мордочку и за-
выл прямо на луну громко и про-
тяжно:

- А-у-у-у! А-у-у-у-у!
- А-у-у-у... А-у-у-у-у... - опять
отозвался кто-то протяжно и
громко.

Щенок, потрясенный этим
небывалым событием, жадно ус-
тавился прямо на луну своим
здоровым глазом. Он смотрел
долго и пристально в желтый
сверкающий диск, пока в глазу не
зарябило, и вдруг ему почудилось,
что там, на луне, движется какая-
то косматая серебристая фигурка.

"Неужели, собака? - удивил-
ся щенок, но если она отвечает
мне, значит - собака. Конечно,
собака. Я даже вижу ее серебри-
стые уши: прислушивается, ждет,
когда я снова повою."

Он снова завыл и получил
такой же ответ.

"Ответила! - он завилал от
радости хвостом. - Подумать
только: ответила! Ну что ты ска-
жешь! Вот здорово! Она живет на
луне - и все! А почему бы и нет?
Ведь если есть луна, там тоже
должен жить кто-то."

Щенок долго разговаривал со
своим новым другом, вилял хво-
стом, и ему казалось, что лунная
серебристая собака тоже виляет
хвостом и кивает ему головой.

Луна вскоре ушла, скрылась
за краем обрыва, а на дерево села
та самая ворона в поисках чего-
нибудь съедобного.

- Спасибо тебе, милая воро-
на, - поблагодарил ее одинокий
песик.

- За что?
- За твою доброту. Если бы

ты не посоветовала мне выть
на луну, я никогда не узнал бы,
что там тоже живет собака. А
теперь у меня есть настоящий
друг, на самой луне. Мы даже
долго с ним разговаривали. И
он отвечал мне. Спасибо тебе.

Лохматая ворона, едва
сдерживая смех, быстро улете-
ла, чтобы не расхохотаться на
глазах у несчастного щенка. А
наутро уже все вороны в окре-

стностях знали, как она обду-
рила глупого щенка. "Он сошел
с ума! - смеялись они. - Ему на
луне собаки мерещатся."

В следующую ночь воронья
стая слетелась к обрыву по-
смотреть, как щенок разговари-
вает с лунной, и посмеяться над
ним.

Песик, совершенно не дога-
дываясь об этом, вылез из сво-
его ящика и уселся прямо на-
против луны.

- Братец! - позвал он.
- А-а-те... - отозвался дале-
кий голос.

- Друг мой единственный...
- прошептал щенок. - Серебри-
стый мой. - Глаз его наполнился
слезами.

Когда глаза наполняются
слезами, не слишком-то разгля-
дишь, что творится вокруг, и
щенку померещилось, что он
видит, как виляет на луне хво-
стом собака, что она присела,
собираясь спрыгнуть на землю.

- Нет, не прыгай! - испугался
песик. - Не прыгай, а то еще
ногу сломаешь, а быть на Зем-
ле хромым не слишком-то слад-
ко.

Вороны в кустах чуть не
расхохотались.

- Хочешь, я расскажу о
себе? - вновь обратился пес к
своему другу. - Когда-то у меня
был дом, хозяин и имя. Меня
купили на базаре за очень боль-
шие деньги, кормили ливерной
колбасой и даже конфетами. И
называли Бобиком. Мне хорошо
жилось - тепло и сытно.

Но однажды хозяин отвел
меня далеко-далеко от дома,
натер нос табаком, чтобы я не
чувствовал запахов, а потом
прыгнул в автобус и уехал. Ему
сказали, что я - дворняга, а до
этого он думал, что я породис-
тый пес. И он решил выкинуть
меня.

Я долго искал его, но не на-
шел. И теперь остался без дома
и без имени. И вот поселился
тут, на обрыве, на берегу реки,

подальше от злых людей.

Щенок замолчал, потер ла-
пой раненый глаз и спросил
своего друга:

- А на луне есть злые маль-
чишки с рогатками?

Лунная собака молчала. На-
верное, не расслышала вопрос.

- Мальчишек с рогатками
нет? - громче крикнул пес.

- Не-е-ет... - ответило эхо.

- Вот хорошо-то, - обрадо-
вался безмянный песик. -
Возьми меня к себе на луну! А?
Вместе нам будет хорошо, да и
поиграть можно.

В это время луну накрыло
облачко. Бездомный, маленький
пес прилег и скоро уснул.

Может, ему померещилось,
а может, на самом деле он уви-
дел, как выглянула луна. И се-
ребристая собака спустилась
к самому ящику от помидоров.

Вот лунная собака протягивает
ему руку, а потом лижет его
больной глаз, и взгляд ее полон
серебристого свечения, состра-
дания и доброты.

- Какие злые, бессердечные
мальчишки живут у вас на зем-
ле, - шепчет она песику. - Какие
мерзкие стрелки из рогаток
бродят по твоей планете. Лад-
но, братец, перебирайся ко мне
на луну. У меня есть серебря-
ная будка, и места нам двоим в
ней хватит.

- Как же до тебя добраться?
- спрашивает песик.

- Очень просто. Прямо на
луне я спущусь в речку и буду
ждать тебя там. Только не зе-
вай, прыгай прямо на луну, и мы
всегда будем вместе.

- А я не разобьюсь, не уда-
рю больной глаз?

- Что ты, лунная пыль мяг-
кая, как пух. Прыгай скорее - и
все будет хорошо. Я уже жду...
жду... жду...

В полусне безумный песик
выполз из своего ящика, по-
смотрел вниз с обрыва на бе-
гущую воду: и правда, там дро-
жит большой расплывшийся
диск луны, а на нем не то виляет
хвостом, не то машет ему
лапой серебристая лунная со-
бака...

Песик, не задумываясь,
разбегается, отталкивается и
летит с обрыва вниз, прямо в
реку...

Сильный всплеск разбудил
спящих ворон. Они подняли го-
ловы и принялись озираться по
сторонам.

- Где же собаченка-то? - уди-
вились они. - Исчезла, как в
воду канула. Может, она на луну
прыгнула? - вороны расхохота-
лись и полетели в парк ночевать.

А под обрывом как ни в чем
не бывало текла река - быст-
рая, таинственная, залитая лун-
ным серебром...

Рада КОРДИК

Меня в рассвете не найдешь,
В закате дивном не увидишь,
Своей любовью не спасешь
И нелюбовью не обидишь.

Я вся - из боли и любви.
Тут не отнимешь,

не прибавишь.
Меня тихонько позови,
Слегка коснувшись
черных клавиш.

Прости мне их печальный звук,
Что будет вечно между нами,
Прости мне детский мой испуг
И - расстоянье меж губами.

Смешно?
Скорее это бред.
Как бутерброд.
А сверху - боль.
Господь!

Хоть что-нибудь позволь -
Забыть или найти замену.
Я не могу простить измену
Самой себе
Уже который год.
Скулит душа, -

немодное слово -
В том месте, где ее никто
не ищет.

И в зеркале я вижу пепелище,
И трудно вспомнить
прежнее лицо.

Смешно?
Скорее это плач,
Слегка приглушенный
надеждой.

Равно боюсь, что вдруг
останусь прежней
Или надену безразличья плащ,
И будет он единственной
одеждой.

На стене в подлунном свете
В лихорадке пляшут тени -
Это злой холодный ветер
Треплет ветки на сирени.

В эфемерном отражении
Бесконечных изменений
Среди шорохов и стонов,
Среди сломленных поклонов, -
Там, в изорванной одежде,
Корчится моя надежда
На стене в холодном свете,
Растворившись
во вселенной...

***

Это было лепестком
легким,

Это было мотыльком
робким,

Увядавшим цветком
было

И пробившимся ростком
было.

То касанье губ твоих
нежных.

Но прости меня:
Я - не икона.

***

За постылые дни
без огня

До оскомы приелась
надежда,

Но на скудной
диете как прежде,

Все что слаще -
То не для меня.

Раз с небес
Улыбнулись глаза.

Так мечталось
найти в них спасенье,

А узнала свое
отражение -

Боль, тоску и
потерю себя.

Из-под ног
ускользает земля.

То ли я от нее
отрываюсь

Бесконечной
пустой суете

Против воли своей
похорюсь.